

0-803311

На правах рукописи

Вахитова Диляра Касимовна

**ИНВЕКТИВНАЯ ЛЕКСИКА
ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ
И ЭТНОМЕНТАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ**

10.01.02 – языки народов Российской Федерации
(татарский язык)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Казань – 2013

Работа выполнена в отделе лексикографии Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан

Научный руководитель: кандидат филологических наук
Тагирова Фяридя Инсановна,
старший научный сотрудник отдела
лексикографии ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова
АН РТ (г. Казань)

Официальные оппоненты: **Баязитова Флёра Саидовна**, доктор
филологических наук, ведущий научный
сотрудник отдела лексикологии и
диалектологии ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова
АН РТ (г. Казань)

Галиуллина Гульшат Раисовна, доктор
филологических наук, доцент, профессор
кафедры татарского языка и методики
преподавания Института филологии и
межкультурной коммуникации ФГАОУ
ВПО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет (г. Казань)

Ведущая организация: ГНУ «Чувашский государственный институт
гуманитарных наук»

Защита диссертации состоится «19» декабря 2013 г. в 12.00 часов
на заседании диссертационного совета Д 022.001.01 при Институте язы-
ка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республи-
ки Татарстан по адресу: 420011, г. Казань, ул. Лобачевского, 2/31.

С диссертацией можно ознакомиться в Центральной научной библиотеке
Казанского научного центра РАН (г. Казань, ул. Лобачевского, 2/31).

Автореферат разослан «18» ноября 2013 года.

Учёный секретарь

диссертационного совета

доктор филологических наук, доцент А.А.Тимерханов

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КФУ

853551

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Инвективы представляют собой развитый пласт лексической системы, присущий всем языкам. Такие социально значимые явления, как демократизация общества, свобода слова, отсутствие цензуры и т.п., повлиявшие на языковые процессы различных уровней, не могли не отразиться в лексической системе, в частности в инвективной лексике. Направленность к свободному инвективному словоупотреблению становится всё более ощутимой, т.к. инвектива находит широкое применение не только в бытовом дискурсе, но и в художественной литературе, публицистике, в целом усиливая тенденцию к общему снижению и смешению стилей. Поэтому научный интерес, проявившийся в последнее десятилетие к данному пласту языка, вполне оправдан. На современном этапе инвективная лексика является объектом исследования таких областей лингвистики, как юрислингвистика, психолингвистика, социоллингвистика, гендерная лингвистика, лингвокультурология. Тем не менее, инвективная лексика татарского языка до настоящего времени оставалась вне поля зрения лингвистов. Это ставит на повестку дня необходимость систематизации и анализа данного пласта лексики, комплексной оценки этого явления с лингвистической точки зрения. Этим обуславливается актуальность выбранной темы. Диссертация посвящена комплексному исследованию инвективной лексики татарского языка в функциональном и этноментальном аспектах.

Степень изученности темы. Историография исследования лексики вообще и различных её отраслей в татарском языкознании довольно обширна и представлена многими работами. В частности, отдельные тематические классы лексики изучались в работах Д.Б. Рамазановой, Т.Х. Хайретдиновой, З.Р. Садыковой, Г.Г. Саберовой, Ф.Ф. Гаффаровой, Ф.И. Тагировой, Р.Р. Шамсутдиновой, А.М. Сагитовой, Г.Д. Зиязетдиновой, О.Н. Бяतिकовой, Э.А. Галиевой, М.К. Юматовой, Э.Р. Ахметовой, Г.И. Миннебаевой, Р.Т. Сафарова, А.А. Тимерханова и др. Проблему инвективной лексики татарского языка следует считать малоизученной, так как она затрагивалась только в работах, посвящённых другим лингвистическим проблемам, например, А.Г. Файзуллиной, А.К. Гизатуллиной, Г.З. Габбасовой, Г.К. Гималетдиновой и др.

Научные исследования, посвящённые непосредственно данной проблеме, представлены в основном трудами в общем языкознании: В.И. Жельвиса, З.К. Нагуар, Ю.Н. Исаева, О.П. Королёвой, А.В. Курьяновича, В.Н. Носовой, Н.С. Заворотищевой, J. Lyons, D. Lagorgette, G. Doval и др.

Объектом нашего исследования является инвективная лексика татарского языка, т.е. слова, фразеологизмы, устойчивые конструкции любой сложности, используемые для негативной оценки.

Предмет диссертационной работы – функциональные характеристики и этноментальные особенности употребления инвективной лексики татарского языка в различных дискурсах.

Цель работы заключается в комплексном исследовании функционирования инвективной лексики татарского языка в бытовом, художественном и публицистическом дискурсах, а также в выявлении этноментальных особенностей употребления инвектив.

Достижение поставленной цели обусловило решение следующих задач теоретического и практического характера:

1. Определить сущность понятия «инвективная лексика» и её место в системе языка.

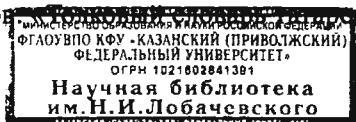
2. Выделить функции и определить специфику употребления инвективной лексики татарского языка в бытовом, художественном и публицистическом дискурсах.

3. Установить этноментальные особенности инвективного словоупотребления в татарском языке.

4. Выявить и систематизировать инвективную лексику татарского языка в форме тематических и лексико-семантических групп.

Методы работы обусловлены спецификой объекта и предмета, а также целью и задачами диссертационного исследования. Были использованы как общенаучные методы – наблюдение с целью получения новых фактов, описание результатов наблюдений, дедукция, индукция, синтез, анализ литературы по теме исследования, так и частные методы и приемы – сплошная выборка, контекстуальный анализ, количественный анализ, опрос информантов, сопоставительный анализ.

Материалом для комплексного исследования послужили примеры, собранные из произведений татарских писателей (Х. Такташ, Г. Камал, Г. Исхакый, А. Гилязов, М. Магдеев, Т. Галиуллин, М. Маликова и др.). Нами были отобраны произведения разных периодов, начиная с начала XX до начала XXI веков, разных жанров – стихотворные, прозаические, разных авторов, разной тематики. Таким образом, в анализируемом материале представлен корпус качественно разных инвективных единиц, что должно обеспечить максимальную объективность выводов. Привлекались также публицистические тексты («Ватаным Татарстан», «Татарстан яшьләре»). Основным источником лексической базы послужили электронные и бумажные словари различных типов татарского и ряда других языков.

мах (1977–1981), «Татарско-русский полный учебный словарь» под ред. Р.А. Сабирова (2008), двухтомный «Татарско-русский словарь» (2007), «Фразеологический словарь татарского языка» Н. Исанбета (1989, 1990), «Фразеологический словарь татарского языка» под ред. Г. Ахатова (1982), трёхтомный «Татарская мифология. Энциклопедический словарь» Ф.И. Урманче (2008–2011), «Русско-удмуртский словарь» под ред. А. Бутолина (1942), «Русско-удмуртский словарь» под ред. В.М. Вахрушева (1983), «Чувашско-русский и русско-чувашский словарь» М.И. Скворцова, А.В. Скворцовой (2003), «Мифологический словарь башкирского языка» Ф.Г. Хисамитдиновой (2010), «Толковый словарь русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова (2001), а также электронные словари: Марийско-русский словарь, Русско-башкирский словарь, Русско-удмуртский словарь и др. Кроме того, использованы собственные наблюдения, а также данные, полученные в ходе опроса информантов. В целом из указанных источников нами было отобрано около 1500 инвектив татарского языка. При этом мы сознательно оставили за границами исследования крайние проявления речевой агрессии в виде обсценной лексики, так как она не имеет принципиальных отличий и подчиняется тем же закономерностям, что и остальная инвективная лексика.

Научная новизна заключается в том, что в работе впервые принято системное исследование инвективной лексики татарского языка сразу в двух аспектах: в функциональном и этноментальном, в результате которого определён состав, выявлены дискурсивные, этноментальные, лексико-семантические, тематические и др. особенности функционирования инвектив в татарском языке.

Теоретическая значимость проведённого диссертационного исследования состоит во вкладе в разработку проблем функционирования лексических систем и подсистем в современных условиях, в изучение инструментов и процессов вербальной агрессии в условиях конфликтной коммуникации. Основные положения и выводы комплексного анализа способствуют дальнейшему углублению и расширению исследовательской базы в области татарской лексикологии и лексикографии.

Практическая ценность настоящего исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в вузовской практике при преподавании курсов и спецкурсов по лексикологии, стилистике татарского языка, юрислингвистике, гендерной лингвистике, лингвокультурологии, социолингвистике, речевому этикету. Кроме того, материалы диссертации также могут служить основой при составлении словаря инвективной лексики татарского языка.

Теоретическую основу исследования составили теоретические положения, разработанные в трудах таких учёных, как И.А. Бодуэн де Куртенэ, А.А. Реформатский, Л.В. Щерба, А.А. Леонтьев, В.И. Жельвис, Ю.А. Бельчиков, С.Г. Воркачев, Г.В. Кусов, В.И. Карасик, И.А. Стернин, А.Ю. Позолотин, Г.В. Дмитриенко, А.В. Курьянович, Б.Я. Шарифуллин, Ю.Н. Исаев, Х.Н. Савичева, И. Устуньер, R. Aman, E. Claire, T. Jay, Ruiz García, D. Lagorgette, F. Nedjai, H. Rawson и др.

На защиту выносятся следующие **основные положения**:

1. Инвективная лексика представляет собой исконно существующий в татарском языке пласт лексики с чётко очерченными функционально-стилистическими параметрами и обширным вокабуляром, функционирующий в рамках традиционного общеэтического субстандарта и сильно подверженный влиянию экстралингвистических факторов.

2. Функционирование инвективной лексики татарского языка носит дискурсивно детерминированный характер, определяющийся целями и функциональными особенностями каждого дискурса и выражающийся в количественных и качественных показателях инвективного словоупотребления, в частности, в наибольшей частотности, активности и насыщенности корпуса инвектив в бытовом дискурсе; в подчинении требованиям жанра и контекста, эстетики и выразительности в художественном дискурсе; в выражении общественного порицания в публицистическом дискурсе.

3. В инвективном словоупотреблении прослеживается влияние этноментальных особенностей носителя, которое выражается в частотности использования инвектив, в качественном составе, ситуативном выборе, разнице принципов ассоциации и метафоризации.

Апробация работы. Основные положения диссертации были изложены в докладах на следующих конференциях: Международная научно-практическая конференция молодых учёных и аспирантов «Наука XXI века: проблемы филологии и искусствоведения» ИЯЛИ АН РТ (Казань, 2012, 2013); II Международная научно-практическая конференция «Современные направления в лингвистике: традиции и новаторство» КФУ (Казань, 2013); ежегодные научные конференции преподавателей КГАСУ (Казань, 2012, 2013). Основные положения и выводы исследования отражены в 6 публикациях, в том числе в издании из перечня, рекомендованного ВАК.

Структура и объём работы определяются её исследовательскими задачами и целью, отражают основные этапы и логику исследования. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения и библиогра-

фического списка из 194 наименований. Работа снабжена 3 приложениями, где представлено 28 таблиц и 42 диаграммы, отражающих результаты анализа данных анкетирования, квантитативного анализа семантических и тематических групп инвектив и др. В частности, приведены диаграммы, отражающие частотность инвектив на страницу текста, частотность определённой инвективы в художественном тексте, таблицы, отражающие семантические особенности инвектив с компонентом-зоонимом в татарском, башкирском, чувашском, удмуртском, турецком, марийском языках и т.п. Общий объём работы составляет 239 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновываются выбор темы, её актуальность, определяются объект и предмет исследования, формулируются цель и задачи работы, положения, выносимые на защиту; обосновывается актуальность работы, отмечаются новизна полученных результатов, теоретическая и практическая значимость диссертации, характеризуются методологическая база и методы исследования, приводятся данные об апробации результатов работы, описывается структура диссертации.

Первая глава «Теоретические основы исследования инвективной лексики в современной лингвистике» состоит из трёх параграфов, в которых рассматриваются различные точки зрения на определение понятия инвективной лексики в современной лингвистике с учётом различных аспектов её исследования, определяются место инвектив в языковой системе и основные их функции.

В языкознании существует ряд подходов к оценке феномена инвективы с учётом различных аспектов исследования. Инвектива подвергается детальному анализу с позиции многих отраслей науки: юрислингвистики, психоллингвистики, социоллингвистики, гендерной лингвистики, лингвокультурологии и т.д. Каждая из указанных дисциплин имеет свою трактовку понятия «инвективная лексика».

С учётом выявленных существенных признаков, под инвективной мы понимаем слово, словосочетание, фразеологическую единицу или целый ряд подобных конструкций культурно и национально обусловленного характера, взятые как из кодифицированного, так и некодифицированного пласта языка, употреблённые с целью унижения человеческого достоинства в грубой форме, понижения статуса объекта оскорбления, отрицательной оценки как участников и предмета коммуникации, так и ситуации речевого общения в целом, а также потенциально способную оскорбить инвектума.

Инвектива имеет своего автора и адресата. Исходя из терминологии Н.Д. Голева, автор инвективы называется инвектором (оскорбляющим), а адресат – инвектумом (объектом оскорбления).

Для современных исследователей данного пласта лексики характерно многообразие подходов, и не только в вопросах терминологии, но и в определении источников пополнения вокабуляра. В сущности, источником пополнения инвективной лексики может служить весь национальный вокабуляр языка, лексические единицы которого способны варьировать своё значение от общеупотребительного до оскорбительного в зависимости от условий и характера речевого общения. К примеру, в татарском языке названия большинства животных могут употребляться в качестве инвективного компонента: *сарык* ‘баран’, *дуңгыз* ‘свинья’, *сыер* ‘корова’, *бозау* ‘телёнок’, *толке* ‘лиса’, *кәжә* ‘коза’ и др. Фактически инвективный фонд может обогащаться за счёт ряда факторов: переосмысление лексического материала литературного языка, заимствования из внелитературной области языка, главным образом, из жаргонов и просторечия, за счёт заимствований из других языков.

Изучение истории и современного состояния исследования инвективной лексики в общей и татарской лингвистике даёт возможность оценить уровень изученности различных её аспектов и выделить те, что наименее разработаны. В лингвистике инвективная лексика рассматривалась в различных аспектах: коммуникативно-дискурсивном (В.Н. Носова), функциональном (О.В. Саржина), гендерном (Г.В. Дмитриенко, И.А. Стернин, F. Nedjai), юридическом (Н.Д. Голев, М.В. Горбаневский), психолингвистическом (В.И. Жельвис, R. Aman), прагматическом (О.П. Королёва), лингвокультурологическом (А.Ю. Позолотин, Г.В. Кузов, Ю.А. Бельчиков) и др. В ходе изучения теоретической базы было выявлено, что в татарском языкознании инвективная лексика до сих пор не являлась объектом специального анализа, тем более инвектива не рассматривалась сразу в функциональном и этноментальном аспектах.

Инвективная лексика, содержащая в себе наибольшее количество эмоционально-экспрессивной информации, включает в себя часть литературно-разговорной речи, представляет собой структурированную форму письменного или устного просторечия, охватывающую практически все пласты лексики. Было установлено, что инвективная лексика, находящаяся за пределами литературного языка, главным образом, бытует в рамках функционально-стилистического традиционного общезначимого субстандарта, в частности экспрессивного просторечия.

Функциональная сторона также значима при раскрытии сущности инвективной лексики. С позиции функций языка инвективная лексика в

полном объёме осуществляет экспрессивную функцию, второстепенное значение имеют коммуникативная, конативная и фатическая функции. В.И. Жельвис выделяет 27 базисных функций инвективной лексики. Однако указанные функции неодинаково значимы, т.е. некоторые из них реализуются практически в любой языковой коммуникации, к примеру, катартическая функция, другие же реализуются только при определенных обстоятельствах, например, функция поношения третьего лица для установления положительного контакта между двумя собеседниками.

Междометная функция инвективы на данный момент «набирает обороты». Частотность использования инвективных лексических единиц в речи увеличивается, что ведёт к тому, что резкость инвективы снижается, а данный фактор, в свою очередь, приводит к её междометизации. Следовательно, с течением времени даже самые грубые инвективы могут потерять свою резкость и превратиться в конкретно ничего не выражающие восклицания. Отличительная особенность междометной инвективы проявляется в том, что она не имеет прямого инвектума, а служит главным образом для выражения досады или обиды говорящего на невозможность изменить ситуацию.

В ходе исследования было установлено, что в татарском языке в функции междометия используются, главным образом, проклятия: *шайтан алгыры*, *каһар* и др. Для выражения негодования и досады татары также могут прибегать к заимствованиям из различных языков, а именно, арабского (*шайтан* 'шайтан', *ибليس* 'сатана', *налэт* 'проклятие', *лагънат* 'проклятие'), персидского (*пэри* 'пери'), русского (*чёрт*) и др.

Рассмотрение функций инвективной лексики позволило установить, что некоторые функции крайне значимы, в то время как другие могут использоваться в исключительных случаях. В целом в функциональном плане инвективная лексика крайне подвижна и подвержена серьёзным изменениям.

Во второй главе «Функциональные характеристики инвективной лексики татарского языка в различных дискурсах» представлен анализ использования инвективной лексики в бытовом, художественном и публицистическом дискурсах.

Основной целью применения инвективной лексики в разговорной речи является выражение отрицательного отношения, оскорбления, гнева, пренебрежения к предмету, ситуации или человеку, стремление говорящего унижить, оскорбить, обесчестить, опозорить адресата своей речи. Выявлены следующие особенности функционирования инвективной лексики в бытовом дискурсе: 1) спонтанность инвективы; 2) детерминированность состава инвектив присутствием / отсутствием

объекта оскорбления во время речевой конфликтной коммуникации; 3) интонация, с которой произносится та или иная инвектива; 4) крайне широкий диапазон употребления инвективных единиц, более разнообразных и сниженных в стилистическом плане; 5) эмоциональный контекст и др.

В бытовом дискурсе также наблюдается одна абсолютно противоположная оскорблению функция употребления инвективной лексики – одобрение. В данном случае коммуникант при помощи инвективной лексики выражает благосклонность, похвалу и своё положительное отношение к адресату инвективы или к его действиям. Вышеуказанная функция употребления инвективы в бытовом дискурсе объясняется тем, что инвективная лексика настолько прочно вошла в лексикон членов общества, что находит своё применение в выражении всех типов эмоций и отношений человека. К примеру, в высказывании *Ах, эт, эшине ничек оста хал иткан!* ‘Вот собака, как мастерски решил дело!’ инвектива *эт* ‘собака’ используется для выражения восхищения способностями инвектума. Ввиду того, что данная функция инвективы прочно вошла и активно используется в быту, писатели также активно начали применять данную функцию в художественной литературе для отображения живой разговорной речи. Исходя из вышесказанного, мы можем сформулировать вывод о том, что в первую очередь функции инвективной лексики возникают и развиваются именно в бытовом дискурсе, только после этого проникают и в другие дискурсы.

Основными факторами, влияющими на употребление инвективной лексики в бытовом дискурсе, являются: 1) коммуникативная ситуация; 2) социальный статус человека, который включает гендер, возраст, образование, профессию, занимаемую должность, уровень достатка и формы выражения достатка. Гендерный критерий является одним из определяющих факторов при анализе особенностей инвективной лексики в бытовом дискурсе. Так, нами было установлено, что женщины по сравнению с мужчинами употребляют в своей речи инвективы гораздо реже, что обусловлено меньшей возможностью социального доминирования в сравнении с мужчинами, а также мужским характером древних табу и их вербализации. Во-вторых, женщины используют более коннотативно нейтральные инвективные выражения, мужчины же выбирают стилистически более сниженные средства. В-третьих, речевая агрессия мужчин чаще является адресной по сравнению с женщинами, которые в большинстве случаев выражают негативную реакцию к ситуации вообще.

Использование инвективной лексики в художественном тексте – довольно характерное и частое явление для литературы, в том числе та-

тарской. Однако закономерности функционирования инвектив повсюду разные. Так, состав, частотность, вариантность, преобладание тех или иных тенденций в тематических и семантических особенностях и т.п. могут меняться в зависимости от исторического периода, ситуации в обществе, цели автора, темы его произведения и от множества других факторов. Для того, чтобы проследить влияние этих факторов на функциональные особенности употребления инвективной лексики, нами были отобраны произведения разных периодов, начиная с начала XX до начала XXI веков, разных жанров – стихотворные, прозаические, разных авторов, разной тематики. Таким образом, в анализируемом материале представлен корпус качественно разных инвективных единиц, что должно обеспечить максимальную объективность выводов.

В результате анализа употребления инвективной лексики в художественной литературе татарского языка мы выявили ряд её функциональных особенностей. Инвективная лексика является инструментом для глубокого раскрытия литературных персонажей. Инвектива реализует функцию характеристики персонажей и представляет собой часть образа героя, который складывается по мере его узнавания.

Часто татарские писатели используют инвективный инвентарь в целях создания определённого колорита. К примеру, в работах А. Гилязова за счёт определённых инвективных средств создаётся деревенский колорит. Кроме того, анализ показывает, что состав инвектив также меняется в зависимости от эпохи. Например, инвективный вокабуляр в литературе начала XXI века значительно отличается от инвективных единиц, встречающихся в более ранних произведениях, например, начала XX века. Определённый набор инвективной лексики, употребляющийся в произведениях начала XX века, практически не используется в современных произведениях. В произведениях представителей татарской литературы начала XX века преобладала инвективная лексика религиозной тематики, как, например, в драматических и комедийных произведениях Г. Камала, мастерски сумевшего передать атмосферу жизни татарского народа начала XX века. В пьесах наиболее распространёнными являются такие инвективы, как *йәзе кара* (букв. лицо его чёрное) ‘проклятый’, *бәдбахет* (букв. несчастье) ‘проклятый, окаянный’, *махәб-бәтсез* (букв. нелюбимый) ‘противный’ и др.

В творчестве писателей, творивших в начале XX века, наблюдается более частое использование отрывков из произведений фольклора в виде присказок, приговорок, частушек и т.п. с вкраплениями инвективных единиц, чем в работах более современных авторов.

Проанализировав и сравнив инвективный пласт лексики, использованной в произведениях татарских писателей начала и конца XX века, мы можем сделать вывод, что смена эпох, исторические события, имевшие место в XX веке, развитие общества оказали влияние на инвективную лексику татарского языка. С течением времени менялся и инвективный корпус языка, некоторые инвективные единицы, доминировавшие в татарском языке в начале столетия, утратили своё широкое применение и уступили место другим инвективным средствам. Так, в романе Т. Галиуллина «Тәүбә» (Покаяние) через употребление лексики, заимствованной из русского языка, преимущественно лагерно-тюремного жаргона, переданы колорит и атмосфера, царившие в постсоветский период.

Использование инвективной лексики в художественной литературе – явление субъективное, так как обуславливается не только вышеперечисленными требованиями темы и специфики произведения, но и личностью самого писателя, например, его чувством языка и меры. Как показал анализ материала, наибольшее количество инвектив содержится в произведениях драматургии, что детерминировано стремлением автора приблизить речь персонажей к разговорной речи. На втором месте находятся произведения прозы, что также обусловлено особенностями жанра. В поэзии же содержание инвективной лексики меньше всего, что также объяснимо особенностями жанра, в первую очередь – высоким стилем, исключающим использование слов низкого стиля.

Подчеркнём, что с течением времени сменяются табу и культурные нормы. Если в начале века религия занимает важное место в обществе, то к концу века, в период Советского Союза, табу перестает беспрекословно действовать, в результате чего нарушение религиозного табу уже не воспринимается как нечто из ряда вон выходящее, т.е. теряет свой статус инвективности. В связи с этим неизбежными являются изменения в языке художественной литературы, где, в частности, религиозные инвективы заменяются инвективной лексикой более сниженного характера. Инвективная лексика всегда будет присутствовать в том или ином объёме в художественной литературе в зависимости от предпочтений автора, его художественного мастерства, тематики и эпохи.

Анализ показывает, что в публицистических произведениях частотность употребления инвективной лексики несравнимо меньше, чем в художественных произведениях, что объясняется особенностями данного функционального стиля, главным образом, тематикой.

Авторы прибегают к применению инвективной лексики в публицистических текстах для достижения конкретных целей и задач. Посред-

ством инвективы они имеют возможность более доступно для читателей выражать свою точку зрения и отношение к какому-либо событию или персоне. В публицистическом дискурсе инвектива представляет собой хоть и не новое явление, тем не менее, выходящее за рамки сложившихся традиций и устоявшейся нормы. Употребление инвективы гарантирует автору определённую реакцию читателя на словесное нарушение такого рода: недовольство, несогласие, протест и т.д. Таким образом, инвективная лексика вызывает аттракцию.

Выбор и частотность употребленной инвективной лексики обусловливаются тематикой статьи. Чётко прослеживаются основные проблемные линии, в вокабуляре которых инвективы присутствуют постоянно, прежде всего, это общественно-политическая и социально-экономическая тематика. Анализ инвективной лексики, использованной в статьях газеты «Ватаным Татарстан» (1992, 2012 гг.), подтверждает, что инвективная лексика преобладает преимущественно в статьях политической, социально-экономической, нравственной направленности, реже – в рубриках спорт, религия, наука и культура.

Публицисты стремятся лишить значимости образы политических деятелей при помощи сарказма, иронии, насмешек, в состав которых регулярно входит инвективная лексика. Иногда инвектива может быть преподнесена в контексте, в таком случае читатель сам догадывается о скрытой инвективе.

Анализ инвективной лексики в публицистике позволяет сделать вывод, что корпус используемых инвектив представляет собой сравнительно небольшой пласт лексики и основной целью её употребления в публицистике является не оскорбление, как, например, в бытовом дискурсе, а общественное порицание.

Дискурсивные особенности инвективной лексики заключаются в том, что в бытовом дискурсе инвектива используется значительно чаще, чем в художественном и публицистическом, что обусловлено существованием указанного лексического слоя непосредственно в устной речи. В устной речи инвективное словоупотребление имеет свойство неожиданности, в печатном тексте данное свойство теряется. В бытовом дискурсе наиболее чётко прослеживаются закономерности в функциональном использовании инвектив. Так, мужчины ругаются чаще и резче женщин, молодые – чаще пожилых и т.д.

Кроме того, в функционировании инвективной лексики наблюдается общая для всех дискурсов тенденция к использованию более сниженной, более резкой лексики. Вследствие этого наблюдается размывание границ стилей, всеобщее снижение и смешение стилей. Это

обусловлено, по-видимому, такими экстралингвистическими факторами, как демократизация общества, а значит и языка, на котором оно говорит, свобода слова и отсутствие цензуры и др.

Таким образом, в каждом из рассмотренных нами дискурсов инвективная лексика имеет свои цели и особенности функционирования, что свидетельствует о её полифункциональности и подвижности.

В третьей главе «Этноментальные и лексико-семантические особенности инвективной лексики татарского языка» выявляются этноспецифические особенности инвективного словоупотребления в татарском языке, а также подробно рассматриваются лексико-семантические и тематические группы инвектив.

Инвективность свойственна всем без исключения этнокультурам, в том числе – татарской. Очевидно, что инвективная лексика представляет собой специфический пласт татарской лексической системы, в которой отчётливо эксплицируется национальная самобытность татарского социума. Она отражает характерные черты менталитета, важные стороны национального сознания татарского народа. Так, одной из важнейших черт татарского народа в целом являются стыдливость, застенчивость, опасение общественного осуждения. Это не может не отразиться на частоте, составе и других особенностях инвективного употребления. Инвективные единицы функционируют как одно из средств хранения и передачи опыта татарского этноса.

Этноментальные особенности инвективной лексики выявляются посредством сопоставительного анализа инвективной лексики татарского и других языков. Главным образом, сопоставление осуществляется с такими языками, как башкирский, чувашский, удмуртский, марийский, которые являются контактирующими, а также с турецким, относящимся вместе с татарским к тюркской группе языков.

В инвективной лексике татарского языка находит своё отражение история татарского народа, которая подчеркивает её самобытность. К примеру, очевидно, что лексические единицы *тәре* (букв. крест) ‘проклятый’ и *чукынган* (букв. крещёный) ‘проклятый’ получили инвективное значение в связи с процессом христианизации татар Поволжья в XVI–XVIII вв., когда вышеупомянутые лексические единицы вошли и прочно закрепились в татарском языке с инвективной окраской.

Следует отметить, что инвектива *чукынган* может приобретать такие формы, как *чукынчык* (букв. крещёный) ‘проклятый, негодник’, *чукынып кит* (букв. покрестись) ‘пропади ты пропадом’, *чукынды* (букв. покрестился) ‘всё пропало’, *чукынгыры* (букв. чтоб покрестился) ‘про-

пади он пропадом'. Данные инвективы в татарском языке могут употребляться в качестве:

- 1) оскорбления;
- 2) проклятия;
- 3) междометного восклицания.

Данные примеры представляют собой случаи, когда инвективность или её отсутствие зависят от адресата. Так, слова *тәре* и *чукынган* были оскорбительны только для мусульманина, тогда как для христианина изначально в них содержалась только положительная семантика. Применяемые в русском языке инвективы типа *нехристь*, *креста на тебе нет* также применялись только в отношении нехристиан. Как видим, подобные инвективные единицы продолжают оставаться неотъемлемой частью инвективного лексикона, отражая историко-культурные наслоения.

Каждый народ, включая татарский, воспринимает мир и называет явления и объекты окружающей реальности по-разному. Мало того, в ходе своей истории каждый народ формирует конгломерат культурных ценностей, присущий только ему. И чем дальше народы находятся друг от друга по своему географическому положению, уровню развития и т.п., тем больше у них различий и несовпадений в культуре и, соответственно, в языке. Исследователи и учёные описывают такого рода расхождения при помощи понятия «лакуна». В силу яркого национального колорита татарской культуры, в ней существует множество реалий, которых нет в других, следовательно, в татарском языке много слов, не имеющих точного эквивалента в другом языке. По определению Л.К. Байрамовой, лакунарная единица «отражает в языке специфические реалии, процессы, состояния того или иного народа, отсутствующие у другого». В этой связи особого внимания заслуживает татарское слово *марҗа*, являющееся переименованным на татарский лад вариантом имени Мария. Первоначальное значение в татарском языке – «русская женщина». Однако *марҗа* является лакунарной единицей для русского языка из-за несовпадения семантического объёма русского и татарского слов, т.к. в татарском языке *марҗа* используется для уничижительного, оскорбительного обозначения, а в русском словосочетании «русская женщина» данное значение не дифференцируется. Причём *марҗа* уничижительно не только применительно к русской женщине. Примеры *кире марҗа* (букв. упрямая Мария), *аңгыра марҗа* (букв. глупая Мария) и др. говорят о том, что в них выделяется не национальный признак, а недостатки характера и интеллекта, таким образом, в данном случае слово *марҗа* используется как компонент-интенсификатор.

Кроме того, это слово в различных контекстах употребляется в значениях «чужая», «вызывающе одетая», «легкомысленная» и др.

Метафорический перенос, аккумулирующий характерные черты менталитета татарского народа, является культурно обусловленным. Инвективная метафора основана на сравнении человека с объектами действительности, которые наделены отрицательными характеристиками с точки зрения татарской культуры. Инвективные метафоры, характерные для татарской культуры, составляют обширную парадигму. В этой связи следует подчеркнуть особую значимость национального своеобразия инвективной метафоры. В инвективных метафорах отражаются и этнографические понятия татарской культуры, например, в слове *тастымал* 'длинное тканое или вышитое полотенце с узорами'. Это понятие входит в состав многих инвективных выражений, приобретая яркий негативный оттенок: *ирләр тастымалы* (букв. полотенце, о которое вытираются мужчины) 'распутница', *урам тастымалы* (букв. уличное полотенце) 'проститутка'.

Интересны с точки зрения национально-специфичной инвективной окраски средства выражения значения «слишком высокий, долговязый» в разных языках. В отношении чрезмерно худого человека в татарском языке обычно применяются такие слова, как *колга* (букв. шест) 'худощавый', *багана* (букв. столб) 'худощавый'. В мансийском языке для номинации мужчины высокого роста используется инвектива *хоса керсоль* (букв. длинный гвоздь) 'долговязый', высокой женщины – *тарыгсов аги* (букв. дочь сосны) 'долговязая'. Эти инвективы интересны в том аспекте, что в них совпадает внутренняя метафора, а конкретные образы и языковые средства совпадают лишь частично. Данные примеры позволяют понять всю правильность мнения Э. Сепира: «Каждый язык задаёт своё видение мира, и различие между картинками тем больше, чем дальше отстоят языки друг от друга. Мы видим, слышим и воспринимаем так или иначе те или другие явления главным образом благодаря тому, что языковые нормы нашего общества предполагают данную форму выражения».

Особое внимание обращают на себя инвективные метафоры, связанные с представителями животного мира. Одно и то же животное может обозначать в различных языках как идентичные, так и схожие или абсолютно полярные качества, или вовсе не обозначать никаких негативных качеств вообще, что обусловлено обычаями и традициями этноса. Среди зоонимов, обозначающих полярные качества, выделяется слово *елан* 'змея', которое является инвективным обозначением злого, коварного человека в татарской, башкирской, турецкой, чувашской, ма-

рийской культурах, однако в Китае змея традиционно считается символом мудрости, и слово не применяется в инвективном значении.

Были выявлены зоовокативы, которые могут иметь как совпадающие в рассматриваемых языках негативные характеристики, так и дополнительные качества, присущие только данному языку. К примеру, в татарской традиции *күян* 'заяц' является олицетворением трусости: *кур-как күян* 'трусливый зайчишка', как и в русской, турецкой, чувашской, башкирской и удмуртской. В странах буддизма заяц является символом мудрости, следовательно, данное сравнение не является оскорбительным. В марийском языке помимо обозначения трусости *меранг* 'заяц' используется для номинации внебрачного ребёнка, а также худого человека – *канга меранг* 'тощий заяц', что не наблюдается в других указанных выше языках, включая татарский.

В ходе анализа инвективной лексики было выявлено, что в разных культурах один и тот же зоовокатив может использоваться для обозначения разных негативных характеристик человека. В татарском этносе *чукмарбаш* 'головастик' используется в адрес драчунов, задир, в марийском – в адрес пронырливого человека, в чувашском же языке *шамна* 'головастик' обозначает человека, несдержанного в еде.

Были обнаружены случаи совпадения значений инвективных зоонимов. К примеру, *кәжә* 'коза' обозначает упрямого человека в татарском, турецком, башкирском языках.

Зоонимы, обладающие инвективным значением в одном языке, могут не иметь такового в другом. К примеру, *ишәк* 'ишак' является одной из самых распространённых татарских инвектив со значением упрямый, глупый, медлительный. Чуваши же применяют данное слово лишь относительно людей, чрезмерно отягощённых работой, марийцы – в отношении людей, безропотно выполняющих самую тяжёлую работу.

Одна и та же отрицательная характеристика приписывается разным представителям животного мира. В татарском языке драчуна обозначает такая инвективная номинация, как *әтәч* 'петух', в чувашском языке в адрес задир, помимо данного слова, часто используется инвективный зооним *арлан* 'хомяк'.

Помимо обширного диапазона негативного эмоционально-оценочного отношения, инвективная лексика содержит фольклорные традиции, отражающие корреляцию языка и культуры татарского народа. В качестве инвективных обозначений используются многие персонажи из народного творчества, являясь тем самым классическим примером антономазии. К примеру, для обозначения женщин с растрёпанными волосами в среде татар используется выражение *су анасы* (букв. мать

воды) 'водяная'. В татарской мифологии её представляли в образе старухи с длинными седыми распушенными волосами.

Как видим, каждый этнос разные негативные характеристики может отождествлять с разными объектами действительности. Это обусловлено тем, что в разных сообществах исторически складываются разные критерии оценки поведения, различный опыт наблюдения за миром, что, в свою очередь, составляет национальную специфику народа.

Межъязыковое сопоставление инвективной лексики способствует выявлению универсального и национально специфического в инвективной лексике татарского этноса. Данный пласт лексической системы отражает специфику национального колорита культуры татарского народа, социально-исторический контекст, ментальные представления о мире, особенности быта, взаимоотношений между людьми.

В данной работе были выделены семантические и тематические группы инвективных средств, используемых в татарском языке, с целью составления шкалы человеческих пороков и недостатков, наиболее осуждаемых в культуре татарского народа. Однако деление инвектив на группы по тематике и семантике является условным, что обусловлено диффузностью семантики инвективных единиц и её подвижностью.

На современном этапе в лингвистике предлагается множество классификаций инвективной лексики: тематические, семантические, функциональные и др. Разнообразие классификаций инвективных средств свидетельствует о том, что единого подхода к данной проблеме на сегодняшний день не существует. В татарской же лингвистике не существовало ни одной семантической классификации инвективной лексики. Следует также подчеркнуть сложность систематизации анализируемого нами материала, что объясняется его большой подвижностью, зависимостью от контекста, ситуации общения, а также от выбора критериев, положенных в основу.

При составлении предложенной нами семантической классификации учитывались некоторые особенности инвективной лексики. При употреблении инвективы денотативное значение слова не учитывается, иными словами, словосочетание *эттан туган нәрсә* (бука. рождённый от собаки) 'ублюдок' может соотноситься с человеком, имеющим безупречных родителей. Несмотря на то, что употреблённая инвектива не соответствует действительности, она вызывает у инвектума крайне резкую отрицательную реакцию.

Инвективы направлены, главным образом, на унижение, оскорбление человека. Унижению могут подвергаться личность человека, его моральные достоинства, образ жизни, поведение, интеллектуальные спо-

собности, физические недостатки. Вышесказанное находит отражение в лексико-семантических группах, в основе которых лежит семантическая классификация, разработанная А.Ю. Позолотиным. Она представляется нам наиболее комплексной и подробной для изучения инвективных средств и составления иерархии человеческих пороков и недостатков, наиболее осуждаемых в культуре татарского народа. Однако были внесены определённые изменения в связи с особенностями семантики инвективных средств татарского языка. Полученный корпус инвективных средств (около 1500 единиц) является достаточно представительным для заключений о семантическом и тематическом распределении инвективных единиц татарского языка.

Анализ семантики татарских инвектив позволяет выделить следующие базисные лексико-семантические группы в исследуемой понятийной сфере:

- 1) отрицательные черты характера (35%);
- 2) отклонения в здоровье и внешности (22%);
- 3) интеллектуальные недостатки (13%);
- 4) отрицательные характеристики поведения (13%);
- 5) отрицательные характеристики образа жизни (6%);
- 6) уничижительное название человека (5%);
- 7) вредные привычки (4%);
- 8) отсутствие жизненного опыта (1%);
- 9) эмоциональное состояние (1%).

Анализ лексико-семантических групп татарских инвектив позволяет заключить, что в татарском социуме порицаются прежде всего такие черты характера человека, как жестокость (*боз йөрэк* 'ледяное сердце'), болтливость (*шләк авыз* 'рот как решето'), злобность (*зәһәр елан* 'ядовитая змея'), лень (*эт кәтүчесе* 'собачий пастух'), нерешительность (*идән чүпрәге* 'половая тряпка').

Инвективы, направленные на осуждение интеллектуальных недостатков человека, являются одними из многочисленных. У татар отсутствие интеллекта ассоциируется с определёнными животными и птицами: *тавык* 'курица', *сарык* 'баран', *бәрән* 'барашек', *ишәк* 'осёл', *бозау* 'телёнок' и др. Для усиления эффекта инвективы к данным зооокативам добавляется интенсификатор *аңгыра* 'глупый': *аңгыра тавык* 'глупая курица', *аңгыра сарык* 'глупый баран', *аңгыра бозау* 'глупый телёнок' и др.

Метафорический перенос слов со значением «глупый» также осуществляется на предметы окружающего мира: *карга оясы* (букв. воронье гнездо) 'глупец', *агач* (букв. дерево) 'дурень', *бүкән* (букв. чурбан)

‘тупица’, *гемба бәлеше* (букв. бәлеш с грибами) ‘бестолочь’, *тукмак* (букв. дубина) ‘глупец’, *утын агачы* (букв. полено) ‘болван’ и др. Мы предполагаем, что осуждение интеллектуальных недостатков говорит о более высокой ценности и значимости умственного развития личности в культуре татарского народа, чем его внешних данных.

В татарской культуре дуракам и глупцам противопоставляются умники: *акыллы баш* (букв. умная голова) ‘умник’, *йомрыбаш* (букв. круглая голова) ‘умник’. Отметим, что первоначальное значение словосочетания *акыллы баш* трансформировалось из положительного ‘умница’ в отрицательное ‘умник’. Лексема *умник* не содержит в себе положительную коннотацию, а называет человека, который пытается доказать своё интеллектуальное превосходство, однако он может и не обладать таковым. Следовательно, в культуре татарского народа осуждаются как глупцы, так и умники. При этом наши количественные данные всё же свидетельствуют о преобладании инвективных средств для осуждения глупцов, нежели умников, следовательно, данный порок имеет большую степень актуальности в среде татар.

Внешность человека является также активным объектом инвективизации. В татарском языке обнаруживается значительное количество инвективных номинаций нечистоплотности человека, его неопрятного вида (*алама тавык* ‘обтрёпанная курица’) и параметрических отклонений его тела: маленький рост (*бутәкә* ‘желудок у птиц’), чрезмерная худоба (*кылчык кебек* ‘как рыба кость’, *чыра кебек* ‘как лучина’) или полнота (*мичкә корсак* ‘бочка–брюхо’). Квантитативный анализ свидетельствует о том, что в татарской культуре большему осуждению подвергается именно худощавость, несмотря на стереотипы, существующие на сегодняшний день в мире о предпочтительности худобы над полнотой. Обилие инвектив, существующих в языковом сознании татарского народа для обозначения человека с избыточным весом, обжоры и т.п., по нашему мнению, свидетельствует о том, что в ментальности татарского народа приветствуется скромность и воздержанность в еде и вызывает отторжение невоздержанность.

При негативной оценке поведения и образа жизни человека инвективы направлены, главным образом, на осуждение невоспитанности, а также распутности. Квантитативный анализ свидетельствует о том, что распутство со стороны женщины вызывает гораздо более резкое осуждение татарским обществом. Данный факт объясняется огромным значением культа семьи и домашнего очага, хранительницей которого по татарской традиции является именно женщина. Как правило, инвективные средства данной подгруппы носят крайне грубый, вульгарный, пре-

зрительный характер, т.е. расположены в крайне негативной части шкалы инвективности.

Количественные и качественные данные выявленных лексико-семантических групп позволяют сделать определенные выводы о системе ценностей татарского народа. Так, инвективы, отражающие отрицательные черты характера и поведения, преобладают над инвективами, отражающими внешние признаки индивида. Это свидетельствует о том, что татарский народ социальную, моральную, этическую составляющую считает более важной, чем физическую.

Некоторые исследователи инвективной лексики в своих трудах не разграничивают такие понятия, как семантическая и тематическая классификации, вследствие чего возникают трудности при определении сущности классификации. Мы, вслед за татарским лингвистом Э.М. Ахунзяновым, разграничили понятия о семантических и тематических группах. Были выделены следующие тематические группы инвектив в татарском языке:

1. Инвективы, характеризующие человека по национальному признаку. Материал показывает, что татарский язык располагает незначительным количеством инвективных обозначений представителей других наций. Интересным представляется пример использования инвектив, выражающих отрицательное отношение к татарам со стороны представителей других наций, главным образом русских. Как правило, инвекторами в таком случае являются представители русской национальности, а инвектумами – татары. Таким образом, инвективные средства, характеризующие человека по национальному принципу, обладают ярко выраженной экспрессивностью, оценочным значением, а также оскорбительностью.

2. Инвективы, характеризующие человека по гендерному признаку. Тема гендерной принадлежности является наиболее семантически разработанной в инвективной сфере татарского языка. Результаты анализа показывают, что в женщинах неприемлемыми признаются недостатки внешности (*бакча карачкысы* ‘чучело огородное), неряшливость (*пумалабаш* ‘голова как помело’), распутство (*ирләр тастымалы* ‘полотенце, о которое вытираются мужчины’). Для татарских мужчин в наибольшей степени неприемлемыми, с точки зрения татарской культуры, являются такие недостатки, как полнота (*апара-корсак* ‘брюхо из опары’), возраст (*карт шайтан* ‘старый шайтан’) и др. В целом инвективы, характеризующие человека с гендерной позиции, отражают критичное отношение полов друг к другу, а анализ значений инвективных обозначений определяет национальные особенности взаимоотношений полов в татарской культуре.

3. Инвективы, характеризующие человека по профессиональному признаку, немногочисленны в татарском языке.

4. Инвективы, характеризующие человека по возрастному признаку. Квантитативный анализ свидетельствует, что татарское общество в наибольшей степени критично к молодым парням и пожилым женщинам, но менее критично к молодым девушкам и пожилым мужчинам. Обращает на себя внимание крайне малое количество инвективных лексических средств, обозначающих детей, к примеру, *пәри алмаштырган* (букв. чёрт заменил его на своё дитя) 'некрасивый, грязный, либо невоспитанный ребёнок', что свидетельствует о том, что татарское общество менее критично относится к детям, нежели к взрослым.

5. Инвективы, характеризующие человека с точки зрения социального происхождения, составляют небольшую группу. Главным образом, это инвективные обозначения деревенских жителей. Инвектив применительно к городским жителям нами не обнаружено. По нашему мнению, данный факт объясняется тем, что городские жители всегда рассматривались как более продвинутый и интеллигентный социальный слой.

6. Инвективы, характеризующие человека с точки зрения финансового статуса. Употребление инвектив в адрес богатого или, наоборот, бедного, как, впрочем, в какой-то степени всех инвектив, зависит от субъекта и адресата. В зависимости от того, кто в момент коммуникации использовал инвективу, могут отрицательно оцениваться и бедность, и богатство. Кроме того, здесь могут отразиться и взгляды, принятые в данный исторический период в обществе.

7. Инвективы, характеризующие человека с точки зрения политических взглядов, составляют незначительную группу. На наш взгляд, политические инвективы характерны в первую очередь для публицистики, так как именно в публицистике огромное внимание уделяется проблемам политического характера.

8. Тематический слой инвектив, указывающих принадлежность человека к социальной группе, также немногочислен. В данной группе инвектив мы рассматриваем названия социально непривлекательных групп людей, так как именно они подвергаются острой критике, соответственно, принадлежность человека к такого рода группе оценивается по отрицательной шкале: хулиганы, воров, мошенники, бандиты.

9. Богохульства и проклятия в татарском языке составляют обширную группу инвектив. В татарской культуре ислам выполняет огромную роль, следовательно, богохульства играют одну из ключевых инвективных ролей и содержатся в языке в таком количестве. В данном случае

сила взламываемого табу очень велика и вызывает резкий шок, соответственно богохульная инвектива татарского языка является достаточно сильной.

10. Самой обширной группой являются инвективные единицы, описывающие человека и его действия через сравнение с характеристиками животных. В татарском языке зооокативы могут выражать несколько свойств личности одновременно, что объясняется подвижностью и диффузностью значений инвективных единиц. К примеру, в татарской культуре коровой называют медлительного, ленивого человека, а также людей, склонных к неумеренности и жадности в еде. В татарских инвективных наименованиях человека нашли отражение названия домашних (*сыер* 'корова', *бозау* 'теленок', *угез* 'бык', *эт* 'собака, пёс', *сарык* 'овца, баран', *барэн* 'барашек', *дуңгыз / чучка* 'свинья', *ишэк* 'осёл', *кажжэ* 'коза', *ат* 'лошадь' и др.) и диких животных (*толке* 'лиса', *куян* 'заяц', *аю* 'медведь', *елан* 'змея' и др.), птиц (*этэч* 'петух', *тавык* 'курица', *ябалак* 'сова', *торна* 'журавль', *челэн* 'цапля', *чыпчык* 'воробей', *чебеш* 'цыплёнок', *карга* 'ворона' и др.), насекомых (*бөжжэк* 'насекомое', *чебен* 'муха', *бет* 'вошь', *күбэлэк* 'бабочка' и др.).

Результаты исследования тематических групп инвективной лексики приводят к выводу, что преобладание в татарском языке инвективных сравнений человека с животным обусловлено традиционным религиозным воспитанием татарского народа, не позволяющим использование обценной лексики.

Таким образом, были установлены ценностные предпочтения татарского социума, человеческие недостатки, подвергающиеся наибольшему осуждению со стороны татарского народа, а также инвективный вокабуляр, при помощи которого осуществляется осуждение тех или иных пороков в татарской языковой культуре. Лексико-семантические особенности инвективной лексики позволили нам сформировать отрицательный образ и характеристики человека с точки зрения интеллекта, внешности, характера, поведения и образа жизни. Результаты анализа инвективной лексики в семантическом аспекте свидетельствуют о том, что функционирование каждой лексико-семантической и тематической группы обусловлено национально-культурными особенностями татарского народа. Следовательно, в инвективном словоупотреблении огромную роль играют такие экстралингвистические факторы, как национальный менталитет.

В целом необходимо отметить, что выводы не претендуют на абсолютную окончательность. Это объясняется разными объективными и субъективными причинами. Во-первых, выводы основываются только

на фактическом материале, который был собран автором на определённый момент и в определённом объёме, а не на весь инвективный вокабуляр татарского языка, что практически невозможно. Кроме того, материал отбирался из источников, относящихся к разным периодам, поэтому погрешности могут объясняться и разницей во взглядах разных поколений носителей языка.

В **Заключении** представлены выводы, результаты, достигнутые в ходе работы.

Была определена сущность понятия «инвективная лексика» и её место в системе языка. Данное понятие было рассмотрено с позиции разных исследователей (А.А. Леонтьев, Р. Аман, В.И. Жельвис, О.П. Королёва и др.) с учётом различных аспектов исследования и отраслей лингвистики (юрислингвистики, психолингвистики, социолингвистики, гендерной лингвистики, лингвокультурологии). На примере татарского языка был подтверждён тезис отечественных (О.П. Королёва, А.В. Курьянович) и зарубежных лингвистов (Т. Jay) о ключевом значении контекста и ситуации речевого общения при использовании инвективной лексики.

В результате исследования выявлено, что основной сферой функционирования инвективного пласта лексики является функционально-стилистический традиционный общезтический субстандарт, в частности экспрессивное просторечие.

Исследование инвективной лексики татарского языка в функциональном аспекте позволило составить картину её использования в бытовом, художественном и публицистическом дискурсах. Функционирование инвективной лексики определяется целями и функциональными особенностями каждого из указанных дискурсов. В результате анализа установлено, что основной сферой употребления инвективной лексики является бытовой дискурс, что обусловлено возникновением и существованием данного лексического слоя непосредственно в устной речи. В художественном дискурсе использование инвективы подчиняется требованиям жанра и контекста, эстетики и выразительности. В публицистике корпус используемых инвектив представляет собой сравнительно небольшой пласт лексики. Основная функция инвективы в данном дискурсе заключается в выражении общественного порицания.

Анализ татарского инвективного материала в различных типах дискурса продемонстрировал полифункциональность инвективы, определил её роль в негативной коммуникации, а также продемонстрировал обширность ареала её использования, что обусловлено многообразием источников пополнения инвективной лексики.

В употреблении инвективной лексики прослеживается влияние особенностей менталитета татарского народа, которое выражается в составе инвективного вокабуляра, а также в частотности его использования.

В результате сопоставительного анализа инвектив с другими языками были выявлены лакунарные единицы, указывающие на этноспецифичность в использовании татарских инвектив. Собранный фактический материал доказывает, что каждый этнос разные негативные характеристики может отождествлять с разными объектами действительности. Это обусловлено тем, что в разных сообществах исторически складываются разные критерии оценки поведения, различный опыт наблюдения за миром.

Таким образом, межъязыковое сопоставление инвективной лексики способствует выявлению универсального и национально-специфического в инвективной лексике татарского этноса.

В ходе разработки лексико-семантических и тематических групп инвективная лексика татарского языка впервые была систематизирована. Было выявлено, что деление инвектив на группы по тематике и семантике является условным, что обусловлено диффузностью семантики инвективных единиц и её подвижностью.

Квантитативный анализ позволил прийти к выводу, что в татарском языке инвективы, отражающие отрицательные черты характера и поведения, преобладают над инвективами, отражающими внешние признаки индивида. Данный факт свидетельствует о том, что татарский народ социальную, моральную, этическую составляющую считает более важной, чем физическую.

В результате выделения тематических групп инвективной лексики пришли к выводу, что преобладание в татарском языке инвективных сравнений человека с животным обусловлено традиционным религиозным воспитанием татарского народа, не позволяющим использование обценной лексики.

Результаты анализа инвективной лексики в семантическом аспекте свидетельствуют о том, что функционирование лексико-семантических и тематических групп обусловлено национально-культурными особенностями татарского народа.

В целом увеличение частотности употребления инвективных лексических средств в речи любого народа, включая татар, вызывает резкую критику как со стороны лингвистов, так и самого общества. Несмотря на острое осуждение, активное использование инвектив в конфликтной коммуникации продолжается в речи практически всех народов, включая татар.

В **Приложении** представлены таблицы и диаграммы, отражающие частотность, результаты проведённого опроса информантов, а также другие особенности употребления инвективной лексики в различных дискурсах.

Основные положения и результаты диссертации отражены в следующих публикациях:

Публикации в научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Вахитова Д.К. Использование инвективной лексики в татарской публицистике // Вестник Чувашского государственного педагогического университета имени И.Я. Яковлева. Серия: Гуманитарные и педагогические науки. – 2013. – № 3 (79). – С. 49–56.

Публикации в других научных сборниках и журналах:

2. Вахитова Д.К. Инвективная лексика в творчестве М. Магдеева // Научный Татарстан. – Казань, 2012. – №2. – С. 154–158.

3. Вахитова Д.К. Зооовокативы как элемент инвективной лексики татарского языка // Сборник материалов ежегодной межрегиональной научно-практической конференции молодых учёных и аспирантов «Наука XXI века: проблемы филологии и искусствоведения». – Казань, 2012. – С. 51–54.

4. Вахитова Д.К. Об определении понятия «инвективная лексика» // Научный Татарстан. – Казань, 2012. – №3. – С. 152–164.

5. Вахитова Д.К. Инвективное словоупотребление в бытовом дискурсе // Сборник материалов ежегодной межрегиональной научно-практической конференции молодых учёных и аспирантов «Наука XXI века: проблемы филологии и искусствоведения». – Казань, 2013. – С. 30–33.

6. Вахитова Д.К. Функциональные особенности употребления инвективной лексики в газетных статьях (на материале татарского языка) // Современные направления в лингвистике: традиции и новаторство: Материалы II Международной научно-практической конференции. – Казань: Право и жизнь, 2013. – С. 10–14.

Подписано в печать 15.11.2013
Формат 60x84 ¹/₁₆. Гарнитура Times New Roman.
Усл. п.л. 1,5. Тираж 100 экз. Заказ К-86

Отпечатано в Институте языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН РТ

201